

8. Заключение

В 2013 г. в России в основном сохранялись положительные демографические тенденции последних лет. Главным успехом этого года стало появление впервые после 1991 г. положительного естественного прироста населения (на 24 тыс. человек). Общий же прирост населения с учетом миграции составил 319,8 млн, вследствие чего население России на начало 2014 г. достигло 143,7 млн человек, превысив минимальную численность 2009 г. на 1763 тыс. В то же время оно все еще ниже максимума 1993 г. на 4,9 млн.

Главным источником роста населения России остается приток мигрантов. Он вносит позитивный вклад в этот рост с середины 1970-х гг. (до этого миграционное сальдо России было отрицательным), но тогда, как правило, он обеспечивал не более четверти общего прироста. Начиная с 1992 г. в условиях естественной убыли населения миграция стала единственным источником роста его численности, однако чаще всего недостаточным для того, чтобы компенсировать естественную убыль (рис. 8.1). За 23 года естественной убыли населения России (1992–2013) ее совокупная величина составила 13,2 млн человек, а совокупная величина миграционного прироста за те же годы — 8,4 млн, что позволило компенсировать 63% естественной убыли населения за этот период.

Сокращение естественной убыли населения России, наблюдающееся в последние годы, — явление положительное, но, по всей видимости, временное, обусловленное преходящими факторами, почти не поддающимися воздействию.

Главный среди них — сложившийся возрастной состав населения. Общий вектор его изменения задает неотменимый процесс старения населения, но, кроме того, он подвержен волнообразным колебаниям, заданным историческими потрясениями в прошлом. Приведенное на рис. 8.2 сравнение пирамид 2013 и 1990 гг. дает представление об общем итоге трансформации возрастной структуры населения между этими двумя датами.

В 1990–2013 гг. волнообразные изменения возрастной структуры оказывали заметное влияние на соотношение различных

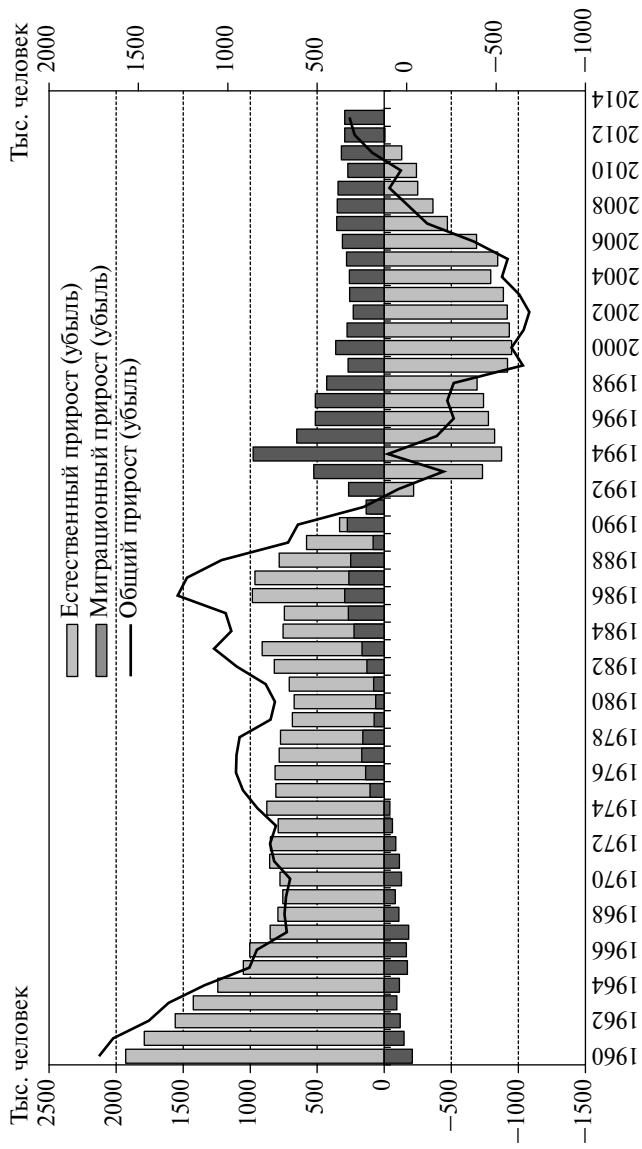

Рис. 8.1. Компоненты роста численности населения России, 1960–2013 гг.

Источник: данные Росстата.

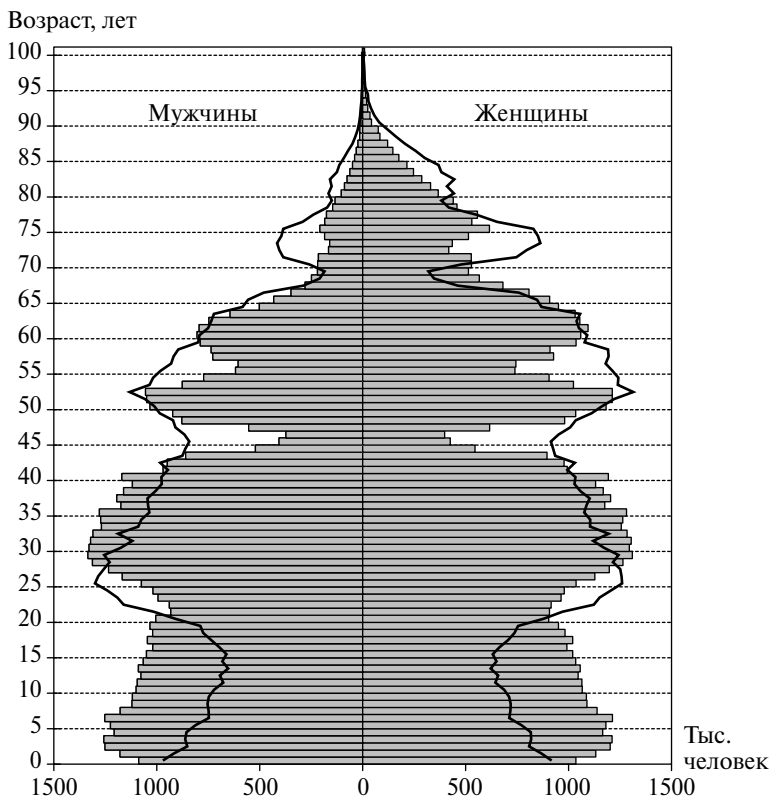

Рис. 8.2. Возрастная пирамида населения России в 1990 (столбики) и в 2013 (сплошная линия) гг.

возрастных групп, что имело достаточно заметные экономические и демографические последствия. В начале 1990-х гг. они были благоприятными. В частности, Россия тогда вступила в этап получения так называемого демографического дивиденда, весьма выгодный для экономики страны. На этом этапе в России был достигнут исторический максимум числа лиц в рабочих возрастах (20–64 лет) и их доли в общей численности населения. Особенно большой прирост (5,1 млн человек) пришелся на 2005–2011 гг., из них 4,2 млн — прирост за 2007–2010 гг., когда порог 20-летнего

возраста перешагивали многочисленные поколения 1987–1990 годов рождениях, а 65-летия достигали и выходили из состава рабочих возрастов малочисленные поколения 1942–1945 годов рождения.

Однако эпоха снижения демографической нагрузки закончилась. Россия вступила в период быстрого роста демографической нагрузки, причем как пожилыми, так и детьми. Все прогнозы предсказывают такой рост, причем очень значительный, к середине 2010-х гг. она вернется к уровню начала 1990-х и будет продолжать расти, что неизбежно повлечет за собой рост неудовлетворенного спроса на рынке труда и соответственно рост потребности в рабочей силе мигрантов.

При этом необходимо обратить внимание на кажущийся парадоксальным, но крайне важный для политики факт: нагрузка будет увеличиваться тем быстрее, чем более благоприятными будут собственно демографические показатели, т.е. чем больше будет рождаться детей и чем ниже будет смертность взрослого и пожилого населения.

Возрастной состав — один из основополагающих факторов демографической динамики ближайших десятилетий, притом такой, на который почти невозможно повлиять. Но крайне важны также характеристики процессов воспроизводства населения и миграции, которые зависят, конечно, от возрастного состава, но и сами влияют на него, а кроме того, могут до известной степени противостоять нежелательным последствиям изменений возрастного состава. Например, повышение возрастных интенсивностей рождаемости или снижение возрастных интенсивностей смертности может в той или иной мере нейтрализовать сокращение числа потенциальных родителей или увеличение наиболее подверженных риску смерти контингентов.

В российском обществе существуют оптимистические надежды на благоприятную динамику именно таких демографических характеристик, причем эти надежды в свою очередь опираются на считающиеся позитивными реально наблюдаемые процессы последних лет.

Между тем, не отрицая позитивный вектор демографических изменений последних лет, его все же не следует переоценивать.

Важная положительная тенденция последних лет — снижение смертности и обусловленное ею снижение абсолютного числа смертей, которое внесло вклад в восстановление естественного прироста населения России. Этот вклад мог быть даже бóльшим, если бы не изменения возрастно-полового состава населения России, которые в последние 10 лет с точки зрения динамики числа смертей были неблагоприятными. Если бы возрастно-половой состав населения России в 2013 г. был таким же, как в 2003 г., то сокращение числа умерших составило бы не 494 тыс., как было на самом деле, а 748,5 тыс., т.е. в полтора раза больше.

В будущем неблагоприятное влияние возрастного состава на число умерших независимо от динамики повозрастной смертности будет усиливаться. В 2000-е гг. в России наблюдалась необычная для стареющих обществ приостановка роста и даже сокращение числа пожилых людей, имеющих более высокую смертность, что тормозило увеличение числа смертей. Начиная с 2001 г. возрастной рубеж в 60 лет переходили малочисленные поколения 1941 и последующих лет рождения, вследствие чего число пожилых людей в возрасте 60 лет и старше сократилось на протяжении 2002–2005 гг. с 27,1 млн до 24,5 млн человек, или на 9,6%. Однако такие благоприятные конъюнктурные изменения могут быть лишь временными и не способны надолго перекрыть структурный эффект старения, содействующий росту числа умерших. С 2006 г. число пожилых растет, достигнув к началу 2013 г. 27,2 млн человек, и этот рост будет продолжаться.

Более полное представление о динамике собственно смертности дает анализ изменений ожидаемой продолжительности жизни, не зависящей от возрастного состава. Рост этого показателя идет непрерывно с 2004 г., в 2013 г. он был выше, чем в 2003-м, у мужчин — на 6,61 года, у женщин — на 4,46 года, для обоих полов — на 5,93 года.

Оценивая достижения в росте продолжительности жизни россиян за последнее десятилетие, следует иметь в виду, что изменения этого показателя на протяжении длительного периода были подвержены сильным колебаниям. В течение полувека в России не удавалось решить задачу устойчивого возвращения к своим собственным наилучшим показателям, достигнутым к середине 1960-х гг. Они были повторены и даже немного превзойде-

ны только один раз и на очень короткое время в конце 1980-х гг., после чего снова резко упали. Нынешний рост показателя следует за его глубоким падением и имеет, по сути, восстановительный характер. В результате этого роста в 2009 г. впервые был превышен предыдущий максимум (1989 г.) для женщин, а в 2012-м — максимум 1987 г. для обоих полов, в 2013 г. впервые превысила планку 65 лет и одновременно максимальный показатель 1987 г. продолжительность жизни мужчин.

В целом рост продолжительности жизни после 2003 г. можно охарактеризовать как восстановительный, или возвратный, и выразить надежду, что последующие годы позволят наконец оторваться от уровня, который уже трижды достигался на протяжении последних 50 лет, но который до сих пор никогда не удавалось удержать.

Сам же по себе этот уровень — очень низкий. По показателям продолжительности жизни Россия отстает от большинства развитых стран, и это отставание нарастает, иногда превышая 10, а у мужчин — даже 15 лет.

Характеристики заболеваемости и состояния здоровья населения, рассмотренные в соответствующем разделе, свидетельствуют практически о том же: положительные сдвиги по целому ряду важнейших направлений сопровождаются длительным сохранением, а в некоторых случаях и обострением проблемных областей. В частности, настоящее и будущее социально-экономическое положение России отягчается наличием более 13 млн официально зарегистрированных инвалидов.

Сходным образом обстоит дело и с тенденциями рождаемости. Явный и значительный рост коэффициента суммарной рождаемости после 2000 г. рассматривается как свидетельство больших успехов, однако пригодность этого показателя для измерения реальных изменений рождаемости в условиях быстрой трансформации возрастной кривой рождаемости («изменения календаря рождений») оспаривается многими экспертами. А наиболее надежный измеритель — итоговая рождаемость реальных поколений — если и указывает на некоторые позитивные сдвиги, то лишь на очень незначительные, не способные переломить давнюю неблагоприятную ситуацию и серьезно приблизить этот показатель к уровню, необходимому хотя бы для простого замещения поколений.

Сопряженное увеличение числа потенциальных матерей в возрастах 25 лет и старше и интенсивности рождаемости в этих возрастах обеспечило прирост числа рождений с 2000 по 2013 г., который был достигнут в основном за счет более поздних рождений у женщин в возрасте 25 лет и старше, вклад более молодых женщин за этот период был отрицательным. По сравнению с 2000 г. число рождений в 2013 г. увеличилось на 629 тыс., что в купе с уменьшением числа смертей на 353,5 тыс. и сделало возможным преодоление естественной убыли населения в 2013 г. (в 2000 г. она была наибольшей — 958,5 тыс. человек).

Но сейчас рост численности женских возрастных групп с растущей рождаемостью подошел к концу — численность ключевой группы 25–29-летних женщин достигла максимума в 2012 г., после чего будет сокращаться и уже к 2017 г. уменьшится более чем на 1 млн и станет меньше, чем в 2000 г. Для 30–34-летних точкой перелома станет 2018 г. Поддерживать нынешнее число рождений при таком сокращении числа потенциальных матерей едва ли будет возможно.

Что же касается собственно рождаемости, т.е. не числа рождений в тот или иной календарный год, которое зависит от сложной и переменчивой комбинации числа женщин различных возрастов и изменений возрастного профиля рождаемости, а конечного числа рождений в расчете на одну женщину за всю ее жизнь (итоговая рождаемость реальных поколений), то оно изменяется мало. Начиная с поколений, родившихся во второй половине 1960-х гг., это число колеблется вблизи величины 1,6. У более молодых поколений ожидаемая величина несколько выше, приближается к 1,7 ребенка на одну женщину. Увеличение итоговой рождаемости на 0,07 в расчете на одну женщину между поколениями 1975–1979 и 1985–1989 годов рождения — наиболее оптимистичный сценарий, на который можно рассчитывать в случае сохранения текущего уровня рождаемости.

Следует также иметь в виду, что, несмотря на активно проводимую государственную политику по повышению рождаемости, в России увеличивается бездетность: если к началу 1990-х гг. к возрасту 50 лет менее 10% женщин не имели опыта материнства (в 1970–1980-х гг. — не более 7%), то в соответствии с последними оценками, основанными на специальных вероятностных табли-

цах рождаемости, можно ожидать, что при сохранении сегодняшнего уровня рождаемости 16% женщин останутся окончательно бездетными. При этом лишь в менее чем половине случаев нерождение первенцев связано с репродуктивными проблемами (женским и мужским бесплодием). Вытеснение абортов щадящими здоровьем современными контрацептивами, успешно протекающее в России с конца 1980-х гг., разнообразные вспомогательные репродуктивные технологии, также получающие все более широкое распространение, несколько смягчают остроту проблемы, но не снимают ее.

Более весомое значение имеет создание равных условий для рождения ребенка во всех типах брачно-партнерских союзов: официально зарегистрированных и основанных на устойчивых неформальных отношениях (консенсуальных союзах). В последнюю четверть века официальный брак в России не только стал существенно более поздним (средний возраст регистрирующих брак повысился более чем на три года), но и потерял доминирующее положение начальной формы совместной супружеской жизни для мужчин и женщин — более половины представителей поколений 1980-х и 1990-х годов рождения первый опыт совместной жизни обретают, не регистрируя свои отношения. Таким образом, в России, как и во всех развитых странах, общий уровень рождаемости зависит не только от поведения партнеров, зарегистрировавших свой брак, но и в значительной степени от принятия репродуктивных решений тех пар, которые по тем или иным соображениям не регистрируют свой союз. В то же время действующая в России семейная политика, видимо, подает стимулирующие сигналы только для традиционных брачных союзов. Если в начале 2000-х гг. увеличение интенсивности брачной рождаемости сопровождалось увеличением рождаемости вне зарегистрированного брака, то во второй половине 2000-х гг. рост рождаемости вне зарегистрированного брака практически остановился. Приостановка роста внебрачной рождаемости и прирост рождений в браке привели к снижению в последние годы доли детей, рожденных вне зарегистрированного брака, в общем числе рождений: в 1980 г. эта доля составляла 11%, в 1990 г. — 15, в 2000 г. — 28, в 2005 г. — 30, в 2010 г. — 25, в 2013 г. — 23%. В связи с этим заметим, что на современном этапе более высокие показатели общей рождаемости на-

блюдаются в первую очередь в тех развитых странах, в которых увеличивается вклад внебрачной рождаемости как в расчете на одну женщину, не состоящую в браке (приближается к одному живорождению или даже выше), так и в общем числе рождений (приближается к половине всех рождений, а иногда и превышает половину).

Даже с учетом позитивных подвижек последних лет наблюдаемый в 2013 г. в России нетто-коэффициент воспроизводства — 0,813 — указывает на то, что с учетом смертности текущий уровень рождаемости обеспечивает замещение поколений нынешних матерей лишь на 81%. Фактически это означает, что если на протяжении двух-трех десятилетий текущие (т.е. наблюдаемые в годы исчисления показателя) режимы рождаемости и смертности не будут меняться, то каждое последующее дочернее поколение будет меньше предыдущего почти на 20%. В отсутствие прироста за счет внешней миграции и при сохранении текущего режима замещения поколений население в перспективе будет сокращаться на 0,7% в год.

На протяжении XX в. доминирующей тенденцией расселения был регулируемый (подчас весьма жесткими мерами) сдвиг населения на север и восток и в меньшей степени на юг. Доля россиян, проживающих в азиатской части страны, выросла от 13,3% в 1926 г. до 21,8% в 1989-м. В 1990–2000-е гг. возобладала обратная тенденция — смещение массы населения с северо-восточных окраин страны в юго-западном направлении («западный дрейф»). В целом за период между переписями 1989 и 2010 гг. численность населения азиатской части России сократилась почти на 10%, а европейской части — на 0,9%. В результате доля населения, проживающего в «азиатской» России, снизилась до 20,3%.

Сокращение «западного дрейфа» в 2000-е гг. было связано со снижением миграционного потенциала Дальнего Востока, Сибирь продолжала терять население. В то же время потребности в мигрантах крупнейших городских агломераций европейской части страны возросли, что привело к усилению оттока уже из Приволжья, к перераспределению населения в пределах западной части страны. Регионов, способных «удержать» население (имеющих «нулевой» или положительный миграционный баланс во внутренней миграции), даже в европейской части страны осталось немного.

Ослабление «западного дрейфа» в 2000-е гг. произошло прежде всего за счет некоторого сокращения оттока населения с Дальнего Востока, но судя по показателям последних трех лет он вновь нарастает. Фиксируемый статистикой поток мигрантов из азиатской части России в европейскую, сократившийся в 2000-е гг., в 2013 г. достиг уровня 1990 г., но при этом поток в обратном направлении составляет только 78% от 1990 г. Это ставит под сомнение возможность прекращения оттока населения из регионов Сибири и Дальнего Востока, ожидаемого по итогам реализации второго этапа (2021 г.) Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации. Формально миграционный баланс регионов Сибири и Дальнего Востока может быть сведен к нулю, но скорее за счет притока международных мигрантов, компенсирующих выезд населения на запад страны.

При всей важности современных внутрироссийских миграций они давно уже не играют той ключевой роли, какая принадлежала им в середине XX в., когда страна переживала бурную урбанизацию, шло освоение новых районов, возникали новые экономические точки роста и притяжения мигрантов и в движение пришли многие десятки миллионов человек. Напротив, внешняя миграция, если под внешней миграцией понимать также обмен населением между Россией и бывшими республиками СССР, после распада СССР приобрела для России значение, какого она не имела никогда прежде.

Международная миграция — многоплановое явление, имеющее серьезнейшее экономическое, социальное, политическое значение, однако рассмотрение всех этих аспектов выходит за рамки настоящего доклада, посвященного развитию демографической ситуации в стране и рассматривающего миграцию прежде всего как важный источник пополнения демографических ресурсов России. Это новая роль миграции для нашей страны, она обозначилась в последние два десятилетия, на протяжении которых приток мигрантов играл важную стабилизирующую роль с точки зрения динамики численности населения России.

Такая роль скорее всего сохранится за миграцией и в обозримом будущем, Россия едва ли сможет отказаться от приема мигрантов по демографическим соображениям, притом что этого

не допустят и экономические соображения, связанные, в частности, с обсуждавшимися выше особенностями возрастной структуры населения России.

Миграционное движение складывается из двух встречных потоков — иммиграции и эмиграции. Сейчас по понятным причинам наибольшее внимание в России привлекает иммиграция, выше уже говорилось о ее важном вкладе в смягчение последствий длительной естественной убыли населения. В то же время, оценивая настоящее и будущее миграционного обмена с другими странами, необходимо учитывать специфику миграций двух последних десятилетий, во многом неповторимую.

Прежде всего следует отметить неравномерное распределение миграционного прироста населения по этапам рассматриваемого периода. Из 8,4 млн человек, составивших миграционный прирост за 1990–2013 гг., 3,6 млн (43%) были обеспечены миграционным всплеском 1993–1998 гг., в последующие годы объемы миграционного прироста колебались, но в целом были существенно меньшими.

Кроме того, иммиграция 1990-х гг., а в значительной мере и 2000-х была по преимуществу «возвратной», в значительной степени имела характер репатриации, возвращения «соотечественников». Об этом можно, в частности, судить по этническому составу мигрантов, который учитывался до 2007 г. Среди мигрантов, переехавших в Россию в 1990–2000-е гг., основную массу составляли выходцы из России или их потомки, только со второй половины 2000-х гг. положение стало заметно меняться. Если в 1997 г. на их долю приходилось 70% (в том числе 62% русских), то в 2007-м — всего 37% (30%) соответственно.

Таким образом, прежняя, в определенном смысле естественная для России ресурсная база, обеспечивавшая миграционный прирост, а значит, и существенную компенсацию естественной убыли населения России в первые постсоветские десятилетия, резко сузилась, и в дальнейшем поддерживать высокий миграционный прирост будет намного сложнее, поскольку мигрантам новых поколений, оказавшись в России, в процессе интеграции придется преодолевать гораздо большую, чем прежде, культурную дистанцию. Все же пока положение несколько смягчается тем, что и при изменившемся этническом составе мигрантов подавляющее

большинство их по-прежнему прибывает из стран, расположенных в постсоветском пространстве.

Международный миграционный обмен России складывается из двух составляющих: постоянной миграции и временных перемещений, предполагающих возвращение мигрантов в страну своего происхождения. Временная миграция не включается в баланс движения постоянного населения России, но в своей трудовой форме оказывает значительное влияние на социально-экономическое развитие, и многие проблемы, которые возникли в России в связи с притоком мигрантов, обусловлены именно этой частью миграционного потока.

Существуют серьезные нерешенные проблемы учета как постоянных, так и временных мигрантов, сопоставимости данных за разные годы, что связано с меняющимися критериями отнесения мигрантов к тем или иным категориям и т.п. Поэтому официальные оценки Росстата и Федеральной миграционной службы (ФМС) России, которые использовались в докладе, не свободны от недостатков. Но все же они дают представление об основных направлениях и составе миграционных потоков и о некоторых важных характеристиках мигрантов.

В качестве итоговой характеристики миграционного движения используются миграционный прирост, получаемый как разность между потоками иммигрантов и эмигрантов. Предполагается, что при его расчете колебания в статистических данных по каждому из этих двух потоков, вызванные изменениями в миграционном учете, в значительной степени элиминируются. Однако проблема качества учета при переходе к показателю миграционного прироста полностью не решается. На это указывают значительные расхождения между оценками миграционного прироста, полученными по данным текущей регистрации, с одной стороны, и переписей населения, с другой.

В 2013 г. миграционными властями России было выдано около 3 млн документов, разрешающих иностранным гражданам из 141 страны работать в России. Но еще большим было число иностранцев, трудившихся без разрешительных документов на работу, т.е. незаконно. По оценкам ряда экспертов и руководителей ФМС России, таковых насчитывалось 3–5 млн. Большинство трудовых мигрантов — это граждане стран СНГ с безвизовым поряд-

ком въезда в Россию. Их доля среди получивших обычные разрешения на работу в 2013 г. увеличилась до 85% (в 2007 г. — 72%). С учетом проданных патентов для работы в частных домохозяйствах доля разрешительных документов, которые получили граждане безвизовых стран, составила примерно 93%. Безусловным лидером остается Узбекистан, на долю которого в 2013 г. пришлось около 44% всех выданных разрешений на работу. С 2010 г. количество трудовых мигрантов из этой страны увеличилось в 3 раза. В то же время по отношению к 2008 г. заметно меньшим (в 2 раза и более) стало число мигрантов из Китая, Вьетнама, Турции и Азербайджана.

Новым явлением постсоветских десятилетий стала заметная по своим масштабам эмиграция из России, в основном в страны дальнего зарубежья. К сожалению, качество учета эмиграции в России даже хуже, чем иммиграции. Российская статистика эмиграции несовершенна, российские данные об эмигрантах сильно расходятся с оценками, полученными на основе зарубежных источников и свидетельствующими о значительном преуменьшении масштабов эмиграции российской статистикой. Так, в 2011–2012 гг. общий отток населения из России по данным 11 стран был в 9 раз выше, чем по данным российской статистики. К тому же российские данные не отражают в полной мере географию современной эмиграции. В частности, они не показывают заметно возросшее значение таких центров притяжения россиян, как Испания, Италия, Австрия, Швейцария, а также Франция, Великобритания, Чехия.

Помимо постоянной эмиграции имеет место и временная трудовая миграция россиян в зарубежные страны. Согласно российским данным (ФМС России), за рубежом в 2012 г. трудоустроилось 65 тыс. российских граждан. Однако эти данные скорее всего неполные. Большинство российских граждан трудоустраиваются за рубежом самостоятельно, не прибегая к помощи организаций, подотчетных ФМС России, и далеко не всегда попадают в учет.

Анализ всего множества прогнозных траекторий для рождаемости, смертности и миграционного прироста позволяет, с одной стороны, лучше понять, на какие из этих процессов и в каком направлении следовало бы воздействовать с целью обеспечения движения по желательным траекториям или исключения движения

по нежелательным. С другой же стороны, знание количественных и структурных параметров населения, соответствующих каждой такой траектории или группе траекторий, помогает выработать ответы на те создаваемые демографическими изменениями вызовы, которых нельзя избежать.

Если варианты изменения численности населения можно все же считать до известной степени вариативными и даже, в крайних вариантах, альтернативными (рост — сокращение), то в отношении структуры населения этого сказать нельзя. Все варианты предсказывают неблагоприятные с социальной и экономической точек зрения изменения, различается лишь степень негативных подвижек. По всем вариантам будут сокращаться, хотя и разными темпами, численность и доля населения в трудоспособном возрасте, в каких бы возрастных границах оно ни определялось, следовательно, будет быстро нарастать, особенно в период до середины 2020-х гг., демографическая нагрузка на одного трудоспособного, что не может не отразиться на росте неудовлетворенного спроса на рынке труда и соответственно потребности в рабочей силе мигрантов.

При этом необходимо обратить внимание на кажущийся парадоксальным, но крайне важный для политики факт: нагрузка будет увеличиваться тем быстрее, чем более благоприятными будут собственно демографические показатели, характеризующие рождаемость, смертность и естественный прирост населения. Практически это означает, что кажущийся на первый взгляд хорошим вариант с высокой рождаемостью, высокой продолжительностью жизни и низкой миграцией неосуществим, так как при успешном решении демографических задач потребность в привлечении трудовых мигрантов будет еще большей, чем в случае реализации пессимистических демографических сценариев.

Определенная противоречивость «демографического» и «социально-экономического», на которую указывает настоящее исследование, осложняет проблему выбора приоритетов практической политики (социальной, экономической, демографической, миграционной и т.п.). Нам представляется, что в долговременном плане приоритеты должны быть отданы *демографическим целям*: снижению смертности и удлинению общей и здоровой жизни населения России, достижимому росту рождаемости, увеличению

численности населения России и возможному замедлению его старения, в том числе и с помощью активной иммиграционной политики.

Из числа наиболее важных социально-экономических последствий ожидаемых демографических тенденций для России на период до 2030 г. в докладе рассмотрено влияние на рынок труда, на систему образования и на пенсионную систему. В стороне пока остались последствия для таких важных сфер, как здравоохранение и социальное обслуживание населения. ИДЕМ уже начал и будет продолжать исследования в данном направлении.

Влияние демографических тенденций на рынок труда. Анализ состояния и динамики экономической активности населения в России показывает, что изменение совокупного предложения труда зависит главным образом от уровня экономической активности крайних возрастных групп и от доли этих групп в населении. Для стран с высоким уровнем участия населения в рабочей силе характерен высокий уровень включенности в рынок труда всех возрастно-половых групп, в том числе молодых и старших возрастов. Именно в молодых и старших возрастных группах имеются потенциальные резервы увеличения экономической активности в России. Вместе с тем повышение экономической активности лиц молодого и старшего возраста сдерживается низкой продолжительностью жизни, плохими показателями здоровья населения, неразвитостью гибких форм занятости, жесткостью трудового законодательства и рядом других факторов. В средних трудоспособных возрастах Россия находится на уровне стран с высокими показателями участия в рабочей силе. Резервы роста для увеличения предложения труда в этих возрастах практически исчерпаны.

Значимым фактором динамики численности населения, занятого в экономике, является постоянная миграция, которая уменьшает убыль населения в рабочих возрастах и замедляет процессы его старения. Без постоянной миграции сокращение рабочей силы будет очень быстрым. Даже повышение коэффициентов экономической активности в молодых и старших возрастах до уровня стран с ее максимальными значениями при «нулевой» миграции не компенсирует полностью сокращение рабочего контингента. Но, что очень важно, по своему влиянию на числен-

ность экономически активного населения быстрое и неуклонное снижение смертности и рост миграционного прироста схожи. Однако если снижение смертности ведет к ускоренному старению населения, представленного на рынке труда, то миграция его притормаживает.

Выполненные оценки численности занятых и безработных показывают, что в условиях экономического роста повышение уровня экономической активности и снижение уровня безработицы до структурного минимума в значительной мере могут преодолеть тенденцию к почти 10-миллионному сокращению числа лиц в трудоспособных возрастах. В условиях стагнации экономики возможный рост уровня безработицы до 8–9% не приведет к многомиллионной безработице из-за значительного уменьшения трудоспособного контингента (рост порядка 1 млн).

В условиях быстрой убыли населения в трудоспособных возрастах поддержание экономического роста в 2020-х гг. может быть затруднено дефицитом рабочей силы. Для того чтобы нейтрализовать возможные неблагоприятные последствия такого сжатия, необходимо в первую очередь увеличивать производительность труда и отдачу от использованных ресурсов.

Влияние демографических тенденций на систему образования.

В результате ожидаемых изменений в интенсивности демографических процессов и структуре населения перспективные изменения численности обучающихся на различных ступенях будет иметь волнообразный характер. Тем не менее в любом случае изменения в системе подготовки бакалавров, расширение магистерской подготовки потребуют дополнительных затрат, так как даже с учетом «демографической ямы» среди потенциальных студентов в начале прогнозного периода увеличение охвата обучением уменьшит контингенты учащихся не столь существенно. В случае с дошкольными учреждениями очень многое зависит от уровня рождаемости, хотя с наибольшей вероятностью можно предсказать возрастающий спрос на услуги дошкольных учреждений даже при неизменном охвате, а чтобы увеличить охват обучением на этой ступени, ввод новых учреждений придется проводить опережающими темпами. В то же время практически при всех сценариях демографических изменений в 2020-е гг. потребность в детских садах будет сокращаться из-за снижения числа родившихся.

Следовательно, темпы ввода новых учреждений можно замедлить, а потом уже встанет вопрос об избытке дошкольных учреждений. В случае с общим образованием необходимо учитывать возрастающую потребность в школах, учителях и прочих дополнительных затратах, которые будут отмечаться в течение ближайшего периода времени.

Оценка демографических тенденций для пенсионной системы.

Результаты прогнозных расчетов показали, что под влиянием старения населения будет происходить ухудшение соотношения числа плательщиков пенсионных взносов и числа пенсионеров. Скорость ухудшения этих показателей максимальна в ближайшие годы вплоть до 2020 г.

При этом, учитывая, что число плательщиков пенсионных взносов намного меньше числа лиц трудоспособного возраста из-за существования экономически неактивного населения, безработных, неформально занятых, а число пенсионеров больше числа лиц пенсионного возраста вследствие наличия досрочных пенсий по старости, пенсий по инвалидности, значения системного коэффициента поддержки оказываются намного хуже демографического коэффициента поддержки. В заданных параметрах прогноза число пенсионеров превысит число плательщиков взносов в высокому сценарии демографического прогноза уже в 2028 г., а в других сценариях — после 2030 г.

С точки зрения пенсионной системы в рассматриваемый временной интервал наихудшим оказывается высокий сценарий демографического прогноза, предполагающий наибольший уровень рождаемости и наибольшую продолжительность жизни. Напротив, легче всего пенсионная система будет существовать в условиях старения с низкой рождаемостью и ранней смертностью.

Предварительные прогнозныe расчеты показывают, что новая пенсионная формула сможет обеспечить лишь кратковременное улучшение финансов пенсионной системы, за пределами 2020 г. этот положительный эффект практически сходит на нет или может даже стать отрицательным.

Старение населения представляет собой наиболее важный вызов российской пенсионной системе, однако глубина его последствий будет зависеть, во-первых, от состояния экономики

в целом и рынка труда, а во-вторых, от того, насколько быстро будет решена задача повышения фактического возраста выхода на пенсию. Одним только стимулированием добровольного откладывания возраста обращения за пенсией проблему низкого пенсионного возраста не решить. Требуется, в частности, снятие или, точнее, ослабление существенных ограничений, которые накладываются из-за низкого уровня здоровья населения.

Дополнительным источником повышения эффективности пенсионной системы в условиях старения могло бы стать введение некоторых ограничений на доходы работающих пенсионеров, но здесь важно не усилить отток пожилых работников с рынка труда.

Вместе с тем следует отметить, что резервы повышения числа плательщиков пенсионных взносов лежат в основном за рамками пенсионной системы. Они относятся к сфере трудового регулирования и повышения конкурентоспособности экономики и общего улучшения экономического климата. Значительную роль в формировании доходов пожилого населения играет динамика заработной платы и других доходов населения, от которой зависят не только поступления в пенсионную систему, но и способность населения сохранять здоровье и трудоспособность и делать дополнительные сбережения на старость.